

Практика разрешения Международным Судом ООН споров, вытекающих из международных экологических и международных экономических отношений

Дарья Боклан*

В статье анализируется практика Международного Суда ООН по делам, в которых затрагиваются одновременно международные экологические и международные экономические отношения. Сегодня мы наблюдаем процесс «экологизации» международных экономических отношений. В рассмотренных решениях Суд выработывал определённый критерий ограничения экономической деятельности в целях предотвращения ущерба окружающей среде.

→ *Международный Суд, охрана окружающей среды, экономическая деятельность, международные экономические отношения, международное экологическое право, международное экономическое право*

В соответствии со статьёй 36 Статута Международного Суда ООН государства могут в любое время заявить, что они признают юрисдикцию Суда обязательной по всем правовым спорам, касающимся: толкования договора; любого вопроса международного права; наличия факта, который, если он будет установлен, представит собой нарушение международного обязательства; характера и размеров возмещения, причитающегося за нарушение международного обязательства. Статут Суда не делит споры в зависимости от характера международных отношений, из которых они вытекают. На наш взгляд, это совершенно оправданно, поскольку практически каждый международный спор возникает не из одного, а сразу из нескольких видов международных отношений, поэтому выде-

лить, в частности, исключительно экологические споры или экономические споры не всегда представляется возможным.

В 1993 году В Международном Суде ООН была создана Камера по экологическим вопросам. За 13 лет существования Камеры ни одно государство не обратилось в неё для разрешения спора, и в 2006 году Судом было принято решение не выбирать судей в Камеру по экологическим вопросам. Причиной прекращения существования Камеры Председатель Суда, Розалин Хиггинс назвала тот факт, что «государства рассматривают международное экологическое право как часть международного права и, следовательно, нет необходимости в отдельной Камере по экологическим вопросам»¹. Ещё одной из причин прекращения работы Камеры эксперты на-

* Боклан Дарья Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли. (E-mail: boklan5@yandex.ru).

¹ Report of the International Court of Justice. 1 august 2006 — 31 July 2007. A/62/4. P.52.

зывают тот факт, что «государства и судьи часто не могут решить, является спор экологическим или нет»². На практике отделить «экологический спор» от «экономического спора» далеко не всегда представляется возможным. На наш взгляд, зачастую именно экономические интересы государств приводят к возникновению экологических споров. Сегодня мы наблюдаем процесс «экологизации» международных отношений в целом и международных экономических отношений в частности. Во всех рассмотренных Судом делах, где затрагивались экологические проблемы, они были неразрывно связаны с международными экономическими отношениями.

В современных условиях интеграции и глобализации на состояние международных экономических отношений влияет серьёзное воздействие на окружающую среду, оказываемое индустриальным развитием и истощением экологической базы, приводящим к резкому напряжению функционирования мировой экономики³. Экономическое развитие — главный фактор отрицательного воздействия на состояние окружающей среды⁴. Тот факт, что в практике Международного Суда ООН не было исключительно экологических споров, говорит о неразрывности экологических и экономических интересов государств и невозможности разрешения споров без учёта обоих видов указанных интересов. К делам, которые затрагивали одновременно как экологические, так и экономические интересы государств, можно, в частности, отнести следующие: *Юрисдикция над рыбными промыслами (Великобритания против Исландии, ФРГ против Исландии)* (решения вынесены в 1974 году); *Проект Габчикова-Надьмарош (Венгрия/Словакия)* (решение вынесено в 1997 году); *Целлюлозные заводы на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая)* (решение вынесено в 2010 году); *Китобойный промысел в Антарктике (Австралия против Японии)* (решение вынесено в 2014 году).

1. Юрисдикция над рыбными промыслами (Великобритания против Исландии, ФРГ против Исландии)

В 1948 году в Исландии был принят закон «О научной консервации рыбных промыслов континентального шельфа». В соответствии с ним Исландия могла создавать охранные зоны, в которых вводился запрет на рыбную ловлю, осуществляемую иностранными государствами. В 1971 году Исландия распространила зону своей юрисдикции над промыслами до 50 морских миль. С этим не согласились Великобритания и ФРГ и обратились, соответственно, 14 апреля и 26 мая 1972 года с исками в Суд с просьбой признать одностороннее расширение Исландией зоны своей исключительной юрисдикции над рыбными промыслами не соответствующим международному праву⁵.

В решениях, вынесенных 25 июля 1974 года, Суд признал, что Исландия не имеет законного права в одностороннем порядке закрывать для рыболовецких судов ФРГ районы, находящиеся за пределами 12-мильной зоны (отсчитываемой от исходных линий), согласованной обоими государствами в 1961 году в результате обмена нотами⁶. В контексте проблемы соотношения экологических и экономических интересов государств показательны несколько выводов Суда. Так, Суд указал на то, что крайне важно охранять рыбные запасы в интересах их рационального и экономически выгодного использования. Кроме того, Суд обязал стороны следить за состоянием рыбных ресурсов и совместно рассматривать вопрос о мерах, которые необходимо принимать в целях сохранения, развития и справедливого использования этих ресурсов, в том числе путём ограничения уловов и выделения квот⁷.

Таким образом, уже 40 лет назад Суд в своих решениях связал экономическую деятельность по вылову рыбы с необходимостью сохранения популяции этой рыбы, возложив

² Копылов М.Н., Солнцев А.М. Международное экологическое право перед вызовами современности (Международный экологический суд) // Евразийский юридический журнал. М., 2013. № 3(58). С. 53.

³ Ковалев А.А. Международное экономическое право и правовое регулирование международной экономической деятельности. М.: Научная книга, 2007. С. 14–15.

⁴ Бринчук М.М. Экологическое право. М.: Юрист, 2004. С. 36.

⁵ International Court of Justice. *Fisheries Jurisdiction (United Kingdom v. Iceland) (Federal Republic of Germany v. Iceland)*. Judgments of 25 July 1974 // I.C.J. Reports 1974. P. 10–15. § 19–30; P. 182–187. § 20–30.

⁶ Ibid. P. 34. § 79(2); P. 205. § 77(2).

⁷ Ibid. P. 31, 34–35. § 72, 79(4)(e); P. 200–201, 205–206. § 64, 77(4).

на государства обязанность сотрудничать. В качестве возможных способов регулирования данной экономической деятельности Суд назвал ограничение условий и выделение квот.

2. Проект Габчикова-Надьмарош (Венгрия/Словакия)

Венгрия и Чехословакия в 1977 году подписали договор «О строительстве и эксплуатации плотинной системы Габчикова-Надьмарош» (далее Договор), который предусматривал строительство и эксплуатацию плотинной системы на реке Дунай на условиях совместного финансирования. Согласно преамбуле Договора, система предназначалась для обеспечения «широкого использования природных ресурсов участка реки Дунай в целях развития водных ресурсов, энергетики, транспорта, сельского хозяйства и других отраслей народного хозяйства Договаривающихся Сторон»⁸. Совместное финансирование должно было осуществляться, главным образом, в целях производства гидроэлектроэнергии, улучшения условий судоходства на Дунае и защиты прибрежных районов от наводнений. В то же время, по условиям Договора, обе стороны обязались гарантировать, что осуществление данного проекта не приведёт к ухудшению качества воды в Дунае, а также выполнять природоохранные требования, связанные со строительством и эксплуатацией плотинной системы. Договор предусматривал создание единой и неделимой системы шлюзов, один из которых должен был располагаться на территории Чехословакии, а другой на территории Венгрии. Проект должен был обрести форму комплексного совместного проекта при равном участии обеих сторон в финансировании, строительстве и эксплуатации объектов.

В 1989 году под давлением мощной критики проекта Венгрия в одностороннем порядке сначала приостановила, а затем прекратила работы по его реализации. Чехословакия начала поиск альтернативных решений и разработала так называемый «Вариант С», ра-

боты по которому начались в 1991 году. Ведущиеся параллельно переговоры между сторонами не дали результата, и в мае 1992 года Венгрия прекратила действие Договора. В свою очередь, в октябре 1992 года Чехословакия начала в одностороннем порядке работы по перекрытию Дуная и строительству плотины. 2 июля 1993 года стороны Договора путём нотификации специального соглашения возбудили дело в Международном Суде.

В решении по данному делу, вынесенном 25 сентября 1997 года⁹, Суд, в частности, отметил, что недавно появившиеся новые нормы экологического права имеют отношение к осуществлению Договора и что стороны по соглашению между собой могли учесть их при применении статей 15, 19 и 20 Договора. Эти статьи сформулированы в общем виде и не содержат конкретных обязательств действия¹⁰, но требуют, чтобы стороны, выполняя свои обязательства, не допускали ухудшения качества воды в Дунае и обеспечивали охрану природы, принимали во внимание новые природоохранные нормы при достижении договорённости о средствах реализации плотинной системы, которые должны быть предусмотрены в Совместном договорном плане, дополняющем Договор. Суд далее подчеркнул, что за годы, прошедшие с момента заключения Договора, возросли осознание уязвимости окружающей среды и признание того, что природоохранные риски следует оценивать на постоянной основе. Всё это делает статьи 15, 19 и 20 Договора ещё более важными¹¹.

Суд также заявил, что в целях приведения задач экономического развития в соответствие с задачами охраны окружающей среды «стороны должны по-новому проанализировать последствия для окружающей среды эксплуатации электростанции в Габчикове. В частности, они должны найти удовлетворительное решение в отношении объёма воды, пропускаемой по старому руслу Дуная и по его обводным каналам, расположенным по обеим сторонам реки»¹².

В решении Суда указывается на то, что «ключевым является вопрос о влиянии про-

⁸ International Court of Justice. *Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia)*. Judgment of 25 September 1997 // I.C.J. Reports 1997.

⁹ International Court of Justice. *Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia)*. Judgment of 25 September 1997 // I.C.J. Reports 1997. P. 7.

¹⁰ В решении Суд отметил, что обязательства сторон подразделялись на три категории: «обязательства поведения, обязательства действия и обязательства результата». См.: Ibid. P. 77. § 135.

¹¹ Ibid. P. 76–68. § 112.

¹² Ibid. P. 78. § 140.

екта и последствий его реализации на окружающую среду. Для целей конечной оценки экологических рисков должны учитываться действующие нормы. Это не только допускается, но даже предписывается формулировками статей 15, 19 и 20 Договора в той мере, в какой эти статьи предусматривают постоянную — а значит, и по мере необходимости меняющуюся — обязанность сторон поддерживать качество воды в Дунае и охранять его природную среду»¹³. Суд учитывал то, что в сфере охраны окружающей среды следует проявлять бдительность и принимать профилактические меры ввиду часто непоправимого ущерба, который может быть причинён окружающей среде. В решении Суда подчёркивается: «За последние 20 лет появились новые нормы и стандарты, нашедшие своё отражение в большом числе документов. Учитывать эти нормы необходимо, равно как необходимо и придавать должное значение такого рода стандартам, причём не только в тех случаях, когда государства планируют новые виды деятельности, но и когда они продолжают осуществлять деятельность, начатую в прошлом»¹⁴.

Таким образом, Суд указал на то, что для предотвращения ущерба окружающей среде в результате осуществления экономических проектов необходимо применение норм экологического права. Причём, по мнению Суда, должны применяться не только действующие на момент заключения Договора нормы экологического права, но и появляющиеся впоследствии. Данное положение также подтверждается особым мнением вице-председателя Суда Вираманти, который указал на следующее: «Обязанность по оценке воздействия на окружающую среду не исчерпывается её проведением лишь перед началом осуществления проекта. В ходе реализации проекта необходим постоянный мониторинг. Кроме того, в ходе мониторинга должны применяться нормы, действующие на момент проведения мониторинга, а не на момент начала осуществления проекта»¹⁵.

В рассмотренном решении Суд установил обязанность государства проводить постоянную оценку воздействия экономической деятельности на окружающую среду. Таким образом, Суд подтвердил необходимость применения норм международного экологического права при осуществлении экономической деятельности.

3. Целлюлозные заводы на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая)

Суть рассмотренного Международным Судом дела *Целлюлозные заводы на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая)* сводится к следующему. 4 мая 2006 года Аргентина обратилась в Суд с иском против Уругвая. Аргентина обвиняла Уругвай в нарушении Статута реки Уругвай¹⁶, а именно в выдаче разрешения на строительство и введение в эксплуатацию двух целлюлозных заводов на реке Уругвай. По мнению Аргентины, строительство и введение в эксплуатацию двух целлюлозных заводов на реке Уругвай влекло риск ухудшения качества воды в реке Уругвай. Такая деятельность, по мнению Аргентины, являлась нарушением обязательства Уругвая способствовать оптимальному и рациональному использованию реки (ст. I Статута реки Уругвай). Аргентина утверждала, что «Уругвай нарушил свои обязательства по оптимальному и рациональному использованию реки», поскольку не координировал принимаемые меры для предотвращения загрязнения окружающей среды с Аргентиной¹⁷. Кроме того, по её мнению, Уругвай нарушил обязательство по предупреждению загрязнения, поскольку не принял достаточных мер для его предотвращения¹⁸. Уругвай, в свою очередь, заявил, что в соответствии со статьёй 1975 Статута реки Уругвай «загрязнение» — это только те сбросы, которые превышают стандарты, совместно согласованные сторонами внутри Административной комиссии реки Уругвай. По мнению Уругвая, он выполнил свою обязанность по предупреждению загрязнения, тре-

¹³ International Court of Justice. *Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia)*. Judgment of 25 September 1997 // I.C.J. Reports 1997.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. P.111.

¹⁶ Договор между Аргентиной и Уругваем, подписанный 26 февраля 1975 года и вступивший в силу 18 сентября 1976 года.

¹⁷ International Court of Justice. *Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay)*. Judgment of 20 April 2010 // I.C.J. Reports 2010. P.73. § 170.

¹⁸ Ibid. P.78. § 191.

буя от заводов соответствовать наилучшим доступным технологиям и стандартам¹⁹.

В решении Суд, прежде всего, сослался на своё утверждение, сделанное в консультативном заключении *Законность угрозы ядерным оружием или его применения*, о том, что «общее обязательство государств обеспечивать, чтобы деятельность под их юрисдикцией и контролем не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами национального контроля, в настоящее время является частью международного права окружающей среды»²⁰. Суд далее указал, что, обязательство «сохранять водную среду и, в частности, предотвращать загрязнение, устанавливая для этого соответствующие правила и меры», является обязательством действовать с должной осмотрительностью в отношении всех действий, проводимых под юрисдикцией и контролем каждой из сторон. В связи с этим сторона Статута реки Уругвай будет привлечена к ответственности, если будет доказано, что она не действовала с должной осмотрительностью и не приняла все необходимые меры по обеспечению выполнения соответствующих положений государственными или частными лицами, находящимися под её юрисдикцией²¹.

По мнению Суда, для того чтобы стороны надлежащим образом выполняли свои обязательства в соответствии со статьёй 41(а) и (б) Статута Реки Уругвай, они должны в целях защиты и сохранения водной среды при планировании деятельности, которая может являться причиной трансграничного вреда, проводить экологическую экспертизу. Таким образом, обязательство по защите и сохранению, содержащееся в статье 41(а) Статута реки Уругвай, должно толковаться в соответствии практикой, настолько широко принятой государствами в последние годы, что проведение экологической экспертизы в тех случаях, когда имеется риск того, что планируемая производственная деятельность может оказать существенное неблагоприятное воздействие на окружающую среду в транс-

граничном контексте, в частности на общий природный ресурс, может в настоящее время считаться обязательством по международному праву. Кроме того, обязательство проявлять должную осмотрительность не будет считаться выполненным, если сторона, которая запланировала деятельность, способную отрицательно повлиять на состояние реки или качество её воды, не предприняла попыток произвести оценку воздействия на окружающую среду потенциальных последствий такой деятельности. Суд также отметил, что экологическая экспертиза должна быть проведена до начала реализации проекта. Кроме того, на протяжении всего срока реализации проекта должен быть предпринят непрерывный мониторинг воздействия проекта на окружающую среду²².

Таким образом, Суд в своём решении указал на необходимость при осуществлении экономической деятельности заботиться о предотвращении трансграничного ущерба окружающей среде. Причём меры по предотвращению ущерба окружающей среде должны предприниматься как до начала экономической деятельности, так и в процессе её осуществления.

4. Китобойный промысел в Антарктике (Австралия против Японии)

Международная китобойная комиссия (МКК) в 1982 году ввела мораторий на коммерческий промысел любых видов китов. Действие моратория началось с 1985 года²³. Вместе с тем для Японии исторически промысел китов имел очень большое экономическое значение. На 44-м заседании Международной китобойной комиссии в 1989 году японская сторона заявила, что мораторий «оказал сильнейшее влияние на духовное, психологическое, физическое и культурное благополучие японских граждан, жизнь которых зависит от китобойного промысла»²⁴. Несмотря на введённый мораторий, Япония продолжила убой китов. С 2005 года эта деятельность продолжалась

¹⁹ International Court of Justice. *Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay)*. Judgment of 20 April 2010 // I.C.J. Reports 2010. P.78. § 192.

²⁰ Ibid. § 193.

²¹ Ibid. § 197. P.79

²² Ibid. P.82–84. § 204–205.

²³ URL: <http://www.icj.org/rmp> (дата обращения: 09.06.2014).

²⁴ Цит. по Солнцев А., Мжаванадзе Г. Перспективы разрешения Международным Судом ООН дела «О китобойном промысле в Антарктике» (Австралия против Японии) // Международное правосудие. М.: Институт права и публичной политики, 2013. № 2(6). С. 26.

в рамках программ JARPA I и JARPA II²⁵. Как указывается в решении Суда, в рамках программы JARPA II «в среднем ежегодно осуществлялся забой около 450 малых полосатиков»²⁶. Необходимо отметить, что в научно-исследовательские программы Японии JARPA I и JARPA II также входили такие виды китов, как финвалы и горбатые киты. По данным Международной китобойной комиссии, после введения моратория в 1986 году в рамках научно-исследовательских программ Японии было забито более 15 500 китов²⁷.

В рассматриваемом деле Австралия обратилась в Международный Суд ООН с иском против Японии. В частности, Австралия в своём заявлении указала на тот факт, что Япония нарушает статью VIII (п. 1) Международной Конвенции по регулированию китобойного промысла 1946 года (*далее* — Конвенция), а также пункты 10(e) (обязательство соблюдать мораторий (нулевую квоту) на коммерческую добычу), 7(b) (запрет коммерческого промысла финвалов в водах китового заповедника Южного океана) и 10(d) (обязательство соблюдать мораторий на промысел, убой и обработку китов, за исключением малых полосатиков, китоматками²⁸ или китобойными судами, которые с ними связаны) Приложения к Конвенции²⁹.

В соответствии со статьёй VIII Конвенции «любое Договаривающееся Правительство может выдать своим подданным особое разрешение на промысел, убой и обработку китов для научно-исследовательских целей, подлежащее таким ограничениям в отношении числа и других условий, какие Договаривающееся Правительство найдёт нужным установить. Промысел, убой и обработка китов, добываемых в соответствии с этой статьёй, не подлежат действию настоящей Конвенции».

Австралия указывала на тот факт, что JARPA II не является программой для научно-исследовательских целей в том значении, ко-

торое содержится в статье VIII Конвенции³⁰. Япония, в свою очередь, утверждала, что JARPA II полностью соответствует значению, употребляемому в статье VIII Конвенции, поскольку является научно-исследовательской³¹.

Суд исходил из того, что вопросы, касающиеся толкования и применения статьи VIII Конвенции, являются основными для разрешения спора между Австралией и Японией³². Суд указал на необходимость толкования статьи VIII Конвенции в контексте преамбулы Конвенции, в частности её четвёртого параграфа, в соответствии с которым государства — участники Конвенции признают, что «в общих интересах необходимо в кратчайший срок довести поголовье китов до его наивысшей численности, не вызывая при этом значительные нарушения... в экономике...»³³. Также Суд подчеркнул, что выдача разрешения государством на промысел, убой и обработку китов «в научно-исследовательских целях» не может зависеть просто от «понимания» государства. В результате Суд пришёл к выводу о необходимости выработать «стандарт» оценки правомерной выдачи специального разрешения на промысел, убой и обработку китов «в научно-исследовательских целях». Этот стандарт включал, помимо прочего, оценку того, насколько, применительно к использованию смертельных методов, построение программы и её осуществление являются разумно необходимыми для достижения заявленных целей³⁴.

Рассматривая японскую программу с этой точки зрения, Суд отметил, что использование смертельных методов для отбора образцов китов, как таковое, не противоречит её цели. Однако Суд при толковании понятия «в научно-исследовательских целях» пришёл к выводу о том, что для определения того, является ли цель убоя китов действительно научно-исследовательской, необходимо учитывать не только значение термина «научно-исследовательский», тем более что он отка-

²⁵ JARPA — Japanese Whale Research Program under Special Permit in the Antarctic.

²⁶ International Court of Justice. *Whaling in the Antarctic (Australia v. Japan: New Zealand intervening)*. Judgment of 31 March 2014. § 202. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/148/18136.pdf> (дата обращения: 19.05.2014).

²⁷ IWC. Catches Taken: Special Permit. URL: http://www.iwc.int/table_permit (дата обращения: 25.04.2014).

²⁸ «Китоматка» — судно, в котором или на котором полностью или частично перерабатываются китовые туши.

²⁹ International Court of Justice. *Whaling in the Antarctic (Australia v. Japan: New Zealand intervening)*. Judgment of 31 March 2014. § 48–50. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/148/18136.pdf> (дата обращения: 15.04.2014).

³⁰ Ibid. § 48.

³¹ Ibid. § 49.

³² Ibid. § 50.

³³ Ibid. § 56.

³⁴ Ibid. § 61–62, 67.

заявлять ему общее определение³⁵. При вынесении решения Суд принял во внимание не только качественный, но и количественный критерий, а именно масштаб убоя китов. В результате подробного анализа программы и методов её реализации Суд пришёл к выводу, что масштаб убоя не соответствует цели научного исследования, которая предусмотрена статьёй VIII Конвенции. Более того, Суд заявил, что если убой китов осуществляется не с научно-исследовательской целью, то это означает, что цель такого убоя коммерческая. Другими словами, любая деятельность, не подпадающая под понятие «деятельность в научно-исследовательских целях», является коммерческой деятельностью, которая, очевидно, относится к экономической деятельности.

В постановляющей части решения Суд указал, что разрешения, выданные Японией для реализации программы JARPA II, не соответствуют цели «научного исследования», предусмотренной статьёй VIII Конвенции. Как следствие, Суд заключил, что действия Японии не соответствовали её обязательству по соблюдению моратория на коммерческий промысел китов. В своём решении Суд, в частности, указал: «С 2005 года по сегодняшний день Япония, выдав разрешения в рамках JARPA II, установила лимиты свыше нулевого уровня в отношении трёх видов китов: 850 малых полосатиков, 50 финвалов и 50 горбатых китов... Суд считает, что любой китобойный промысел, осуществляемый не в соответствии со статьёй VIII Конвенции... подпадает под статью 10(е) Приложения к Конвенции (*о добросовестном соблюдении моратория [нулевой квоты] на коммерческую добычу*. — курсив авт.)»³⁶. Кроме того, Суд решил, что действия Японии также не соответствовали её обязательствам соблюдать мораторий на промысел финвалов китоматками и запрет коммерческого промысла финвалов в водах Китового заповедника Южного океана. Таким образом, Суд поддержал конвенционный режим, который ограничивает экономическую деятельность в природоохранных целях.

5. Заключение

Актуальность рассматриваемой проблемы подтверждается и тем, что сегодня в производстве Суда находятся дела *Строительство дороги в Коста-Рике вдоль реки Сан-Хуан (Никарагуа против Коста-Рики)* и *Определённая деятельность, осуществляемая Никарагуа в пограничном районе (Коста-Рика против Никарагуа)*. В частности, предметом иска Никарагуа является требование признать «нарушение суверенитета Никарагуа и факт причинения значительного ущерба его территории» в связи с осуществлением Коста-Рикой деятельности в пограничном районе двух государств вдоль реки Сан-Хуан, а именно строительство дороги, которое влечёт риск серьёзных экологических последствий³⁷. То есть перед Судом снова поставлен вопрос об ограничении экономической деятельности в целях охраны окружающей среды. Как указывалось ранее, этот процесс обусловлен необходимостью «экологизации» международных экономических отношений. Без экологизации экономических отношений само экономическое развитие станет практически невозможным. Роль Международного Суда ООН значительна для достижения указанных целей. В рассмотренных решениях Суд в каждом конкретном случае выработывал определённый объективный критерий ограничения экономической деятельности в целях предотвращения ущерба окружающей среде. К таким критериям, в частности, Суд отнёс масштаб экономической деятельности, осуществление постоянного мониторинга экономической деятельности и наличие определённых условий выдачи разрешения на её осуществление. На наш взгляд, выработка таких критериев Международным Судом ООН будет способствовать прогрессивному развитию как международного экологического, так и международного экономического права и выведет взаимодействие этих отраслей международного права на качественно новый уровень.

³⁵ International Court of Justice. *Whaling in the Antarctic (Australia v. Japan: New Zealand intervening)*. Judgment of 31 March 2014. § 86. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/148/18136.pdf> (дата обращения: 15.04.2014).

³⁶ Ibid. § 231.

³⁷ International Court of Justice. *Construction of a road in Costa Rica along the San Juan River (Nicaragua v. Costa Rica)*. Certain activities carried out by Nicaragua in the border area (*Costa Rica v. Nicaragua*). Order of 3 February 2014. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/152/17988.pdf> (дата обращения: 20.02.2014).